

Эссеистика

Писательская репутация Бродского в Америке и в значительной степени вообще на Западе была упрочена его эссеистикой. В русской литературе девятнадцатого века этот жанр процветал – достаточно вспомнить имена Чаадаева, Гоголя, Белинского, Герцена, Достоевского («Дневник писателя»), Константина Леонтьева, – но в советское время заглох. Если у Бродского были непосредственные русские предшественники, то это Цветаева, ранний Шкловский и предтеча Цветаевой и Шкловского – Розанов⁴⁹⁷. Только у них мы находим размышления на определенную тему, что должно составлять содержание любого эссе, в соединении с элементами, характерными для лирической поэзии: импрессионистическими наблюдениями, а также исповедальными, самоаналитическими пассажами. Интересно, что как раз к Розанову (и Шкловскому) Бродский был равнодушен. В предисловии к собранию цветаевской прозы он нехотя признает влияние Розанова на Цветаеву, но тут же торопится указать, совершенно справедливо, на то, что «нет ничего более полярного розановскому всепрियाтию, чем жестокий, временами почти кальвинистский дух личной ответственности, которым проникнуто творчество зрелой Цветаевой»⁴⁹⁸. Так что сходство вряд ли проистекает из ученичества или влияния, скорее имели место какие-то изоморфные творческие процессы. А вот страстная философская эссеистика Шестова, которой Бродский увлекался, стилистически мало напоминает то, что он сам делал в этом жанре. Сюжет и пафос Шестова всегда остаются в рамках его интеллектуальной темы, тогда как для Бродского жизнь идей неотделима от жизни вообще – от быта, от истории, от телесного и душевного существования автора.

Разумеется, этот лиризм с наибольшей полнотой проявляется в мемуарных текстах («Меньше самого себя», «В полутора комнатах», «Трофеи», «Чтобы угодить тени», «Муза плача») или путевых заметках («Посвящается позвоночнику», «Путешествие в Стамбул», «Набережная неисцелимых»), но лиричен, то есть субъективен, эмоционально окрашен, и стиль литературно-критических эссе. Бродскому, для того чтобы высказать все, что он имеет сказать о стихотворении Цветаевой «Новогоднее» или о «Домашнем кладбище» Фроста,

495 *Kirsch 2000* P. 42.

496 *Heaney 1987*. P. 65.

497 Мы не видим существенного сходства между прозой Бродского и Мандельштама, но обсуждение этого вопроса слишком в стороне от основной темы нашего очерка и было бы слишком громоздко для примечания.

498 *СИБ-2*. Т. 5. С. 137. Розанову он там же дает остроумное определение: «русский мыслитель (точнее: размыслитель)».

требуются десятки страниц, и содержание этих страниц мало напоминает филологический комментарий или экспликацию текста перед студенческой аудиторией, но более монолог поэта, вживающегося во внутренний мир другого поэта.

Из шестидесяти включенных в собрание сочинений (*СИБ-2*) эссе, статей и заметок по-русски в оригинале написаны только семнадцать⁴⁹⁹. Среди них два эссе о Цветаевой, «Посвящается позвоночнику», «Путешествие в Стамбул», нобелевская лекция «Лица необщим выраженьем», доклад о стихотворении Мандельштама «С миром державным я был лишь ребячески связан...» и эссе о поэтической переключке Пастернака, Цветаевой и Рильке «Примечание к комментарию». Но в основном эссеистом, литературным и политическим полемистом Бродский был в сфере английского языка и, хотя то и дело жаловался знакомым на необходимость написать еще одну статью по-английски к определенному сроку («Лучше бы стишок сочинить!»), не только не отказывался от предложений, если тема его волновала, но и сам то и дело ввязывался в полемику в прессе. Так, в ответ на довольно безобидную журнальную статейку Милана Кундеры появилось «Почему Милан Кундера несправедлив к Достоевскому» (1985), а в ответ на напечатанную в «Нью-Йорк ревью оф букс» речь Вацлава Гавела «Посткоммунистический кошмар» – «Письмо президенту» (1993). Шесть десятков прозаических текстов включены в *СИБ-2*, но туда не вошло еще примерно столько же написанных по-английски статей, докладов, заметок, предисловий, писем в редакции газет и журналов. Видимо, и здесь для Бродского были образцом работавший не покладая пера Оден, а также Джордж Оруэлл, столь же плодовитый эссеист, журналист и полемист.

В английском Бродском, в особенности в мемуарах и очерках на темы истории и политики, ощущается стилистическое влияние эссеистики Джорджа Оруэлла: прямое изложение фактов, смелая простота суждений, ничего лишнего⁵⁰⁰. Как поэт Бродский уловил еще одно важное свойство, которое делает прозу Оруэлла такой эффективной, – строгий ритм, продуманное ритмическое построение фразы, периода, всего текста. «Ритм, такт, сцепление „словечек“, избавление от округленности (то есть аморфности) – все это может быть интерпретировано как внесение в прозу принципов стихотворной речи и, следовательно, как синтезирование *прозы поэта*»⁵⁰¹. Ближайшим русским аналогом такого стиля в жанре эссе является не Цветаева, а опять-таки ранний Шкловский за вычетом несколько нарочитой у него парадоксальной фрагментарности. Парадокс и ирония у Оруэлла и вслед за ним Бродского не рекламируют сами себя, даны мягче, часто в подтексте.

Об уроках Оруэлла мы знаем из разговоров с Бродским. Любопытно, что английские и американские читатели в отзывах на прозу Бродского предлагают литературные параллели, которые кажутся убедительными внутри отдельной рецензии, но сопоставленные друг с другом, эти параллели начинают пересекаться. Эрудированный славист Дэвид Бетеа рецензию на книгу «Меньше самого себя» начинает с цветаевского определения – «световой ливень» (Цветаева так называла стихи Пастернака), но, переходя с поэтического на критический язык, Бетеа пишет: «Это можно сравнить только с автобиографической и критической прозой Владимира Набокова, хотя очарование обильно детальных воспоминаний и процесс мнемонического бальзамирования в сочинениях Бродского сопровождается напряженными метафизическими и этическими исканиями, которые у Набокова в „Других берегах“ и лекциях по литературе даны только намеком (или с издевкой)»⁵⁰². Джон Ле Карре, чья английская проза отличается стилистической

499 Среди них два ранних эссе – «Писатель – одинокий путешественник» (1972) и «Размышления об исчадии Ада» (1973) – написаны по-русски, но заведомо для перевода на английский.

500 В интервью Свену Биркертсу Бродский говорит, что, когда пишет на английском, старается «угадать, как отнесся бы к моим попыткам Оден», а затем уточняет: «Оден и Оруэлл» (*Интервью 2000*. С. 94).

501 Цивьян Т. В. Проза поэтов о «прозе поэта» // *Russian Literature* XLI (1997). P. 429.

502 *Bethea* 1986. P. 3.

эlegantностью, так излагает свои впечатления от прозы Бродского: «Мне никогда не удавалось совместить Бродского, которого я знал, чей английский казался мне косноязычным, и Бродского, который вот написал же по-английски то, что напечатано на этой странице. Я всегда полагал, что имеет место сложный процесс перевода. Он пишет с утонченностью и иностранным акцентом, что в грамматическом и синтаксическом отношении получается прекрасно и может быть сравнимо только с Конрадом. Если, читая Конрада, помнить о немецком языке, который, я полагаю, оказал на Конрада самое большое влияние из всех языков, то начинаешь как бы слышать немецкий акцент, и все равно это будет прекрасно. И Конрад ближе, чем кто бы то ни было, к великим, развернутым, многоэтажным абзацам Томаса Манна. То же самое чувствуешь, когда читаешь английские эссе Иосифа»⁵⁰³. Маститый критик, писатель и славист Джон Бейли в необычно пронизательной статье «Овладевая речью» пишет, что Бродский как поэт и эссеист имеет только одного равного – Одена: лишь Оден и Бродский – «по-настоящему цивилизованные поэты в своих поколениях»⁵⁰⁴. Бейли, кажется, единственный из критиков понял, что сказанное Бродским о причинах обращения к английскому языку не просто фигуры речи: «Моим единственным стремлением... <...> было очутиться в большей близости к человеку, которого я считал величайшим умом двадцатого века: к Уистану Хью Одну» – в очерке об Одене, и «Я пишу о них (родителях. – Л. Л.) по-английски, ибо хочу даровать им резерв свободы» – в «Полтора комнатах»⁵⁰⁵.

Краткое общение Бродского с Оденом было односторонним. Ни Одну, ни той части человечества, на языке которой говорил Оден, Бродский был тогда не в состоянии сказать того, что говорил он своим русским читателям. Трудно отказать от мысли, что написанная в оригинале по-английски проза Бродского и была подлинным переводом его творчества на другой язык, переводом более успешным, более несомненным, чем все переводы стихов, в том числе и сделанные им самим. Разброс сравнений – Набоков, Конрад, Томас Манн, Оден – говорит о растерянности даже самых квалифицированных читателей перед незнакомым явлением. Хороших эссеистов хвалят за стиль, но прежде всего откликаются на идеи, развитые в их «опытах». Почти универсальная реакция на эссе Бродского – восхищение красотой, выразительностью, эмоциональным воздействием текста. Джон Апдайк, живой классик американской литературы, пишет о «Набережной неисцелимых»: «Восхищает отважная попытка добыть драгоценный смысл из жизненного опыта, превратить простую точку на глобусе в некое окно на вселенские условия существования, из своего хронического туризма выделатать кристалл, грани которого отражают всю жизнь, с изгнанием и нездоровьем, поблескивающими по краям тех поверхностей, чье прямое сверкание есть красота в чистом виде»⁵⁰⁶.

То, что английская проза Бродского одноприродна его русским стихам, доказывается хотя бы тем, что в ней часто встречаются мотивы, образы, тропы, уже имевшие место в стихах. Как показала в своем подробном исследовании русской и английской прозы Бродского В. П. Полухина, Бродский строит прозаический текст (не только эссе, но и статью, лекцию, письмо в редакцию и даже устную реплику) приемами, более характерными для стиха, чем для прозы, причем всегда приемами, часто встречающимися в его стихах. Выше

503 *Труды и дни*. С. 114-115.

504 *Bayley 1986*. P. 3.

505 *СИБ-2*. Т. 5. С. 256, 324. Кажется, до Бродского единственным литератором, который писал порой на неродном языке не из практических, а из литературных соображений, был один из его кумиров, Беккет. Соображения, правда, были разные. Беккет написал несколько романов и пьес на французском, стремясь достичь универсальности звучания. Бродский выбирает английский потому, что хочет стать равным собеседником Одена, компенсировать свою немоту при реальной встрече.

506 *Updike 1992*. P. 85.

мы уже сделали общее замечание о ритме как основном организующем принципе прозы Бродского. (Надо сказать, и сам Бродский в разговорах о прозе всегда отмечал наличие или отсутствие ритмической структуры в тексте.) Хотя обычно под ритмом понимается только определенная регулярность в чередовании ударных и безударных звуков, но в более широком смысле ритмизация текста происходит на всех уровнях. Фонически – в прозе Бродского широко используются аллитерации, ассонансы, внутренние рифмы и полурифмы. Из приводимых Полухиной примеров: «an attempt at domestication – or *dem* onizing — the *d* ivine», «*gl* ittering, *gl* owing, *gl* inting, the element has been casting itself», «has more to do with *Claude* than the *creed*», «they don't so much *help* you as *kelp* you»⁵⁰⁷. На риторическом уровне ритмичность обеспечивается регулярным повторением одного и того же слова сквозь текст или в начале каждого периода (анафора), или в конце (эпифора), или то же самое слово появляется в начале и в конце периода (эпаналепсис)⁵⁰⁸.

Что касается композиции, то Бродский также структурирует свои эссе, как стихи. Поразительный пример – сравнение двух посвященных Венеции текстов: русского стихотворного диптиха «Венецианские строфы» и английского прозаического эссе «Набережная неисцелимых». В обоих абсолютно зеркальная симметрическая композиция⁵⁰⁹. Все это обеспечивает развитие не повествовательного, а лирического сюжета. Бродский не рассказывает читателю о своих приключениях в Венеции, Стамбуле или Ленинграде, даже в эссе о шпионе Филби нет прямого повествования, как в эссе о «Новогоднем» Цветаевой нет аргументированного и целостного анализа стихотворения. Все эти тексты – внутренние монологи, эмоционально окрашенные размышления автора, в основе своей импрессионистические, неограниченно субъективные, но превращенные в организованный текст теми же поэтическими средствами, которые Бродский так виртуозно использовал в своих русских стихах.

Только благодаря эссеистике на Западе смогли понять и оценить подлинный размер дарования Бродского. Признанием этого дарования стало присуждение ему Нобелевской премии в 1987 году.